

Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечинов-
ныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любов-
Не знаю. Если бѣ имъ была дана [ныхъ—
Земная форма, по рогамъ и ~~златю~~
Я могъ бы сволочь различить со знатю.
Но духъ—извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль безъ тѣла—часто въ видахъ раз-
ныхъ
[Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побуждений.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебной-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эниграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмою или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не сов-
сѣмъ онъ—

Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушений
Была полна—вѣдь онъ не даромъ гений!

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребеческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчанѣ.
Пускай! Зачѣмъ тебѣ мое названіе?
Ты съ ужасомъ отвергнула бѣ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлуя»

«Когда ты спишь, о ангелъ мой земной!
И шибко бьется дѣвственной кровью
Младая грудь подъ грезой ночной,
Знай, это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобою;
И, въ тишинѣ, наставляю твой случайный,
Чудесныя разказываю тайны...

А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчною и знаніемъ наказанъ»...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей;
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;

Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались—какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;
Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались—и Пева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море...

«Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснились, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ—гранитныхъ крыльцевъ.
Купались широкія ступени; [ихъ
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высоты на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... и улыбнулся тоже».

«И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ,
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣбною палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желаніе!
Вездѣ обманъ, безумство иль страданіе!»

„Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важною наслѣдственною въ немъ
И роскошно дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ:
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьей,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзбой;
И окомъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугалъ, взоръ очей нескромныхъ“

„Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои—
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дребесилъ блескъ высокихъ оконъ.
Напудренный медькаль и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знать условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліантахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ“.

„Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли,
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалый,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ